

Мо Ли кивнул и сказал: "Яньян, у меня нет другого выбора, кроме как терпеть".

"Думаю, твоя жизнь станет лучше, когда она уйдет из жизни. По крайней мере, Е Сяотянь все еще защищает тебя в какой-то степени, иначе все будет намного хуже. Это правда, что богатым семьям, как Е Сяотянь, нужен наследник мужского пола для продолжения рода. Но Мо Ли, понимаешь ли ты, что поступить так - значит изменить свою судьбу? В твоей жизни будет четыре дочери. Настаивая на том, чтобы просить сына, ты, скорее всего, навлечешь на себя нежелательные последствия", - со вздохом сказала Мэй Яньян.

"Я понимаю, но у меня нет выбора. Если бы мы были бездетны, я бы инициировала развод с ним. Но Цзяни уже почти шесть лет. Даже если его мать разрешит мне оформить опеку, Сяотянь тоже не согласится. Поэтому я не могу сейчас покончить с собой или развестись", - с тоскливым выражением лица сказал Мо Ли.

Мэй Яньян посмотрела на нее с жалостью и сказала: "Я очень надеюсь, что ты благополучно родишь мальчика после того, как твоя судьба изменится. Но я думаю, что ты еще не достигла дна. Когда человек действительно находится на краю пропасти, его личность полностью меняется. Вы сказали моей сестре, что стремитесь быть похожей на нее, но она перенесла гораздо больше трудностей и мучений, чем вы. Хотя она от природы независима и жестка, многочисленные препятствия в ее жизни снова и снова разбивали ее надежды. Чтобы стать такой, как она, вы должны обладать внутренним упорством и стойкостью. Я не предлагаю вам покончить с собой, но неужели вы действительно думаете, что сможете продолжать сидеть сложа руки и глотать свою гордость ради своего ребенка? Неужели ты думаешь, что сможешь терпеть это до самой смерти свекрови?"

Мо Ли покачала головой и сказала: "Я не знаю. Я даже не знаю, смогу ли я родить сына".

"Полагаю, вы слышали о том, что Цзинь Циньянь развелся с моей сестрой.

Но наверняка вы не знали, что моя сестра вышла из брака, не взяв с собой никаких материальных ценностей, и даже позволила господину Цзиню иметь права на опеку над их сыном..."

Мо Ли задохнулся от шока и спросил: "Брат Циньян имеет право опеки над их ребенком?"

"Да, подумай еще раз, прежде чем говорить, что ты хочешь стать такой же женщиной, как она. Есть ли у тебя такая храбрость?"

"Сяонин сделала что-то плохое или брат заставил ее?" спросил Мо Ли.

Мэй Яньян не стала отвечать ей прямо. Вместо этого она сказала: "Они пришли к обоюдному согласию. У моей сестры есть свои деньги и имущество под ее именем. Что касается ее сына, я не знаю, какие планы у нее на уме".

"Возможно, вы правы. Возможно, я не нахожусь на грани отчаяния и еще не совсем сдался", - с язвительной улыбкой сказал Мо Ли.

"Тебе тоже было нелегко в отношениях с Е Сяотянь на протяжении всех этих лет. Я слышал от Тяньцзе о том, как тяжело тебе было все это время. Мо Ли, ты должен смотреть в будущее и жить в достатке".

"Яньян, спасибо, что выслушал меня и дал совет. Теперь я чувствую себя намного лучше".

Мэй Яньян улыбнулась и сказала: "Не надо об этом, для этого и нужны друзья. Ты - друг детства Тяньцзе, поэтому ты и мне друг".

Когда Мо Ли ушел, господин Мэй в спешке вошел и сказал: "Яньян, нефритовое изделие, которое ты мне купил, пропало".

"Как это пропало? Ты его где-то перепутал?" спросил Мэй Яньян.

"Как я могла оставить такую ценную вещь, которую ты мне подарил, без присмотра? Я всегда вешала его на шею. Вчера вечером, когда я ложилась спать, он все еще был там. Я только сейчас заметила, что он пропал".

"Давайте я проверю камеры наблюдения". Мэй Яньян привела его в комнату для наблюдения за камерами.

Просмотрев запись, они оба испытали сильный шок.

В полночь Мэй Шуаншуан пробралась в комнату господина Мэй. Было ясно, что произошло потом.

"Отец, ты пил что-нибудь перед сном?".

"Я собирался лечь спать после душа, но она вошла в мою комнату и сказала, что хочет со мной поговорить. Она принесла немного пива. Я думаю... она, наверное, забрала его у меня", - сказал г-н Мэй, гнев бурлил в его жилах.

Мэй Яньян не ожидала, что Мэй Шуаншуан украдет нефритовый кулон господина Мэй, который обошелся ей более чем в миллион долларов. Ей сказали, что нефрит будет становиться все более и более экстрасенсорным при длительном ношении.

Но она не ожидала...

Она сразу же попыталась позвонить Мэй Шуаншуан, которая отключила телефон.

"Похоже, она знала, что рано или поздно мы узнаем об этом, поэтому отключила телефон. Давайте посмотрим, нет ли еще ее багажа".

Мэй Яньян и ее отец направились в комнату Мэй Шуаншуан, но обнаружили, что вся ее одежда, косметика и другие вещи пропали. Однако она не взяла с собой свой багаж, возможно, потому что боялась поднять слишком много шума.

"Шуаншуан действительно перегнула палку! Не надо ее искать, пусть она просто умрет на улице! Нам действительно не следовало позволять ей возвращаться. У нее даже хватило смелости продать дом без нашего согласия. Есть ли что-то, на что она не осмелится? С этого момента давай вообще не будем ее искать, Яньян. Я не хочу ее больше видеть, даже если она вернется домой", - в отчаянии кричал господин Мэй.

Господин Мэй кипел от гнева.

"Отец, успокойся. Я просто куплю тебе еще один нефритовый кулон. Раз уж она пренебрегает нами как своей семьей и снова и снова причиняет нам боль, нет причин идти на компромисс и безоговорочно уступать ей".

"Яньян, не покупай мне еще один. Он слишком дорогой. Что если я снова его потеряю?"

Мэй Яньян похлопала его по руке и сказала: "Я куплю тебе другой, если он снова пропадет. Все в порядке, цена для меня не имеет значения".

"Мы стали для тебя таким бременем, Яньян. Я чувствую себя очень виноватым перед тобой.

Тебе постоянно приходилось беспокоиться о Шуаншуан и твоей матери", - сказал господин Мэй, исполненный огромной вины.

"Не говори так больше, отец. Разве у нас сейчас не все хорошо?"

Господин Мэй кивнул, и слезы неудержимо потекли по его лицу.

Выйдя из дома, Мэй Яньян сразу же направилась в ювелирный магазин, чтобы купить для отца похожий нефритовый кулон, который также стоил более миллиона долларов.

Она рассказала об этом мужу, когда он вернулся домой во второй половине дня.

"Какой ужасный негодяй... Я действительно удивляюсь, что твою сестру удочерили. Почему она так отличается от тебя?" заметил Длинный Тяньцзе.

"Откуда мне знать? Может, у нее произошла генетическая мутация, когда она была в утробе моей матери", - с усмешкой пошутила Мэй Яньян. "В конце концов, детей никогда не следует баловать, независимо от пола. Их нельзя баловать!".

"Я согласен с тобой..."

Как только он закончил говорить, Лонг Сяоси сбежала по лестнице и сказала: "Папа, мама, я хочу мороженое..."

"Нет, ты уже съела немного сегодня утром. Ты еще очень маленькая, ты заболеешь, если съешь слишком много мороженого", - сразу же отказалась Мэй Яньян.

Надув губки, Лонг Сяоси подошла к Лонг Тяньцзе и взяла его за руку своими пухлыми ручками, причитая: "Папа, посмотри, как мама плохо ко мне относится. Я хочу мороженое, папочка, ты мне разрешишь?"

"Да, да. В морозилке есть мороженое, иди и возьми его сам...", - сказал Лонг Тяньцзе.

"Ура, спасибо, папочка. Папа, ты самый лучший папа..." радостно воскликнула Лонг Сяоси. Она поцеловала его в щеку и весело убежала.

"Лонг. Тянь. Зе!!! То, что ты сейчас говорил..." зарычала Мэй Яньян, глядя на него.

"Что я сказал? Я просто сказал, что согласен с твоей теорией о том, что твоя сестра подверглась генетической мутации, когда была еще зародышем в утробе твоей матери. Больше я ничего не сказал".

Мэй Яньян была вне себя от ярости. "Разве ты не имела в виду мои слова о том, что нельзя баловать наших детей?"